

Оригинальная статья
УДК 316.454
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55>

Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа)

**Ольга Николаевна Баринова¹, Ольга Николаевна Кузина²,
Ирина Владимировна Манаева³✉**

^{1, 2, 3}Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия

¹bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>

²olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>

³✉manaeva.i.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4530-9699>

Введение. Актуальность изучения национальных диаспор в России обусловлена активизацией этноконфессиональных противоречий в ближнем зарубежье и расширением миграционных потоков. Повышается значимость вопросов адаптации и интеграции мигрантов в рамках устоявшихся региональных социумов, фиксируется определенный конфликтогенный потенциал внутри диаспор. Научная новизна состоит в том, что в научный оборот были введены данные социологического исследования армянской диаспоры за 2023 г. Цель статьи – описать социокультурный портрет армянской диаспоры в условиях полиэтнического и поликонфессионального региона (Республика Мордовия).

Методология и источники. Жанр социологического портрета в рамках изучения общества предполагает комплексное описание социума, системный анализ его базовых характеристик. При составлении социокультурного портрета армянской диаспоры авторы сделали акцент на проблематике адаптации и интеграции армян в полиэтническое пространство региона.

Результаты и обсуждение. В качестве первичных данных выступили результаты двух волн социологических исследований 2017 и 2023 гг., проведенных сотрудниками ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического мониторинга». В 2017 г. опрошено 185 респондентов, в 2023 г. – 285. Выборка целевая, рекрутинг респондентов осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, а также методом «снежного кома». Выявлены особенности расселения армянской диаспоры, занятости и трудовых практик. Охарактеризованы этнические и конфессиональные установки диаспоры. Раскрыта специфика социальной идентичности и языковых установок.

Заключение. Социокультурный портрет армянской диаспоры в Мордовии довольно статичен и отличается уже сформировавшимися чертами. Социальное самочувствие армян в Мордовии в целом позитивное. В восприятии материального положения, взаимоотношений с местным обществом, соблюдения своих прав преобладают положительные оценки. Интеграционные процессы, протекающие в армянской диаспоре, отличаются высокой степенью выраженности и позитивной динамикой, но не предпо-

лагают полной ассимиляции. Интеграция протекает с разной степенью интенсивности в конкретных сферах повседневной жизни: экономической, социальной, культурной и политической.

Ключевые слова: армянская диаспора, социокультурный портрет, конфликтогенность, этничность, конфессиональность, социальная идентичность

Для цитирования: Барина О. Н., Кузина О. Н., Манаева И. В. Армянская диаспора Мордовии: социокультурный портрет (опыт социологического анализа) // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 1. С. 42–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55.

Original paper

Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis)

Olga N. Barinova¹, Olga N. Kuzina², Irina V. Manaeva³

^{1, 2, 3}*Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia*

¹*bolgarri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3527-455X>*

²*olga-kyzina86@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6601-5117>*

³*manaeva.i.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4530-9699>*

Introduction. The relevance of studying national diasporas in Russia is due to the intensification of ethno-confessional contradictions in the near abroad and the expansion of migration flows. The importance of the issues of adaptation and integration of migrants within the framework of established regional societies increases, a certain conflict potential within diasporas is fixed. The scientific novelty consists in the fact that the data of the sociological study of the Armenian Diaspora for 2023 was introduced into scientific circulation. The purpose of the article is to describe the socio-cultural portrait of the Armenian Diaspora in the conditions of a multi-ethnic and multi-confessional region (Republic of Mordovia).

Methodology and sources. The genre of the sociological portrait in the framework of the study of society involves a comprehensive description of society, a systematic analysis of its basic characteristics. The authors compiled a sociocultural portrait of the Armenian diaspora, and at the same time emphasized the problems of adaptation and integration of Armenians into the multiethnic space of the region.

Results and discussion. The primary data were the results of two waves of sociological research in 2017 and 2023, conducted by employees of the State Institution of the Republic of Moldova «Scientific Center for Socio-Economic Monitoring». 185 respondents were interviewed in 2017 and 285 in 2023. The sample is targeted, the recruitment of respondents was carried out through regional diaspora networks, as well as by the «snowball» method. As a result, the features of the settlement of the Armenian Diaspora, employment and labor practices are identified. The article characterizes the ethnic and confessional attitudes of the diaspora, and also reveals the specifics of social identity and linguistic attitudes.

Conclusion. The socio-cultural portrait of the Armenian Diaspora in Mordovia is quite static and differs in already formed features. The social well-being of Armenians in Mordovia is generally positive. Positive assessments prevail in the perception of the financial situation, relations with the local society, and respect for their rights. The integration processes taking place in the Armenian Diaspora are characterized by a high degree of expression and positive dynamics, but do not imply complete assimilation. Integration occurs with varying degrees of intensity in specific areas of everyday life, such as economic, social, cultural and political.

Keywords: Armenian Diaspora, socio-cultural portrait, conflictogenicity, ethnicity, confessionality, social identity

For citation: Barinova, O.N., Kuzina, O.N. and Manaeva, I.V. (2024), "Armenian Diaspora of Mordovia: Socio-Cultural Portrait (Experience of Sociological Analysis)", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 1, pp. 42–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-1-42-55 (Russia).

Введение. Обращение к кейсу армянской диаспоры в социальной среде российской провинции значимо по целому ряду причин. С одной стороны, армянская диаспора в России демонстрирует собой «уникальный продукт многовековой культурной и социальной истории армянского рассеяния» [1, с. 124]. Более чем в 20 регионах России армянские диаспоры по численности выдвигаются на второе-третье место после русского этноса, политически, экономически, социокультурно взаимодействуя с другими российскими народами. С другой стороны, изучение социального самочувствия диаспор в составе провинциальных сообществ, особенно с полиэтничным и поликонфессиональным составом, расширяет исследовательское поле российской этносоциологии и этнополитологии. Современная социальная среда российской провинции рассматривается под таким углом зрения, когда стоящие перед диаспорами вызовы усугубляются внутренними социально-экономическими и этноконфессиональными проблемами принимающего региона.

Жанр социологического портрета в контексте изучения общества предполагает интегральное описание социума как комплекса многообразных, но вместе с тем системно взаимосвязанных характеристик [2, с. 899]. В качестве последних могут выступать социальная структура, человеческий капитал, трудовые мотивации, практики личностной самореализации, политические представления, конфликтогенность и т. д.

В активе российской «портретной» социологии имеется несколько знаковых исследований «больших» общностей: первые портретные зарисовки постсоветского социума ученых во главе с академиком М. К. Горшковым, разработка портретной галереи региональных социумов членом-корреспондентом РАН Н. И. Лапиным и его сотрудниками. В описании российского общества акцент делается на выявление и объяснение переходных явлений и процессов, анализ ключевых тенденций развития постсоветского пореформенного социума [3, с. 214]. При изучении «портретного» своеобразия регионов они рассматривались «как социокультурные территориальные сообщества в их целостности и в контексте социокультурного пространства России как дифференцированного целого» [4, с. 2].

К составлению портретов «малых» общностей исследователи обращались при изучении русскоязычных диаспор в странах ближнего зарубежья. Предметом исследования выступали этносоциальные и этнокультурные процессы, протекающие в постсоветских республиках; политические, культурные, образовательные и иные стратегии проживающих в них соотечественников; механизмы адаптации и интеграции к реалиям принимающего общества и т. д. [5, с. 5]. Особое значение подобные проекты приобретают в рамках геостратегических регионов (например, Балтийский регион), где русскоязычные диаспоры обладают уникальными особенностями (длительный опыт взаимодействия с титульными народами, компактное расселение, представительство в местных органах власти и др.) [6, с. 155].

Значительно проработана проблематика социального самочувствия национальных диаспор в России, изучение которых содержит элементы «портретных» исследований. Про-

водится анализ базовых характеристик этнических сообществ, транскультурных и трансграничных связей диаспор, проблем национальной идентичности членов диаспоры, современных установок и практик, социально-экономических и общественно-политических аспектов их деятельности [7]. Особое внимание уделяется изучению наиболее крупных национальных диаспор, отличающихся выраженной консолидацией сугубо этнически ориентированного актива, ростом социально-экономических и общественно-политических инициатив и своего общественного влияния [8, с. 35].

При обращении к армянскому кейсу в фокусе внимания российских исследователей находится тема взаимодействия диаспоры и принимающего общества. В исследованиях поднимаются вопросы адаптации и интеграции армян в конкретных регионах, сохранения их этнического своеобразия в иноязычной среде, коммуникации с внешним окружением. Например, проблема сохранения идентичности армян в Красноярском крае [9, с. 58] и Республике Удмуртия [10, с. 73] раскрывается через анализ разнообразных национальных культурных практик в рамках деятельности религиозных и национально-культурных объединений. Интеграция армянской диаспоры в поликультурное пространство Алтайского края оценивалась по параметрам сплоченности этнического сообщества, укорененности, психологического самочувствия и экономического благосостояния [11, с. 146].

Развитие армянской диаспоры Мордовии нашло отражение в работах А. А. Шевцовой, Л. И. Никоновой, освещавших вопросы этноконфессиональной самоидентификации, эволюции традиционной культуры в поликультурном пространстве, этнопедагогики, народной медицины и др. Давая оценку интеграционным процессам внутри армянского сообщества, исследователи указывают, что армяне демонстрируют стремление как к вхождению в местное общество, так и к сохранению своего этнокультурного облика, «уникального армянского культурологического иммунитета» [12, с. 184].

Несмотря на выраженный интерес к изучению этнических диаспор в России, в частности армянской, в условиях усложняющихся миграционных процессов сохраняется потребность в продолжении научных изысканий в сфере социального самочувствия национальных общностей в этноконфессиональной среде российского государства.

Методология и источники. Выбирая сложившийся в социологической науке жанр «портретных» исследований для описания армянской диаспоры в Мордовии, авторы трактуют диаспору «как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, основанных на общности судьбы или представлениях, исторической памяти и этнических мифах» [13, с. 127]. Ключевыми характеристиками диаспоры, формирующими ее социокультурный портрет, в исследовании выступили такие элементы, как этничность, конфессиональность, конфликтогенность, укорененность и адаптивность.

В качестве первичных данных были взяты результаты двух волн социологических исследований 2017 и 2023 гг., проведенных Государственным казенным учреждением Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга». В 2017 г. опрошено 185 респондентов, в 2023 г. – 285. Выборка целевая, рекрутинг респондентов осуществлялся посредством региональных диаспоральных сетей, а также методом «снежного кома».

Целью исследования выступает формирование социокультурного портрета армянской диаспоры Республики Мордовия, непосредственными задачами – анализ этнического, конфессионального, ценностного, экономического и прочего своеобразия сообщества. Объект – этническая группа из числа представителей армянской национальности, проживающих на территории Республики Мордовия. В их число включены как граждане России армянской национальности, так и армяне-мигранты, не имеющие российского гражданства. Предмет исследования – социально-экономические и общественно-политические компоненты социального облика армянской диаспоры.

Исследовательские гипотезы включали в себя следующие положения:

– армянская диаспора Мордовии представляет собой устоявшееся гомогенное сообщество, мало подверженное миграционным процессам и практически лишенное реэмиграционных установок;

– этническому сообществу свойственен скорее высокий или высокий уровень интеграции в принимающее общество. Диаспора стала неотъемлемой частью регионального социума, в основной своей массе включившись в социальные, экономические и политические процессы внутри республики. Их социальные связи не ограничиваются своей диаспорой, а включают в себя иные социальные сообщества (на работе, учебе, в доме и т. д.);

– поддержание этнической самобытности происходит в первую очередь за счет факторов языка и веры.

Результаты и обсуждение.

Численность и особенности расселения. Во второй половине XX в. – начале XXI в. численность армянской диаспоры в Республике Мордовия демонстрировала поступательный рост (1970 г. – 207 чел., 1989 г. – 777 чел., 2010 г. – 1342 чел.) и в 2023 г. достигла 1356 чел. (0,2 % от всего населения республики) (рис. 1). На сегодняшний день армяне входят в число 7 национальностей, численность которых в регионе превышает 1000 чел. (армяне, русские, мордва, татары, таджики, украинцы и узбеки).

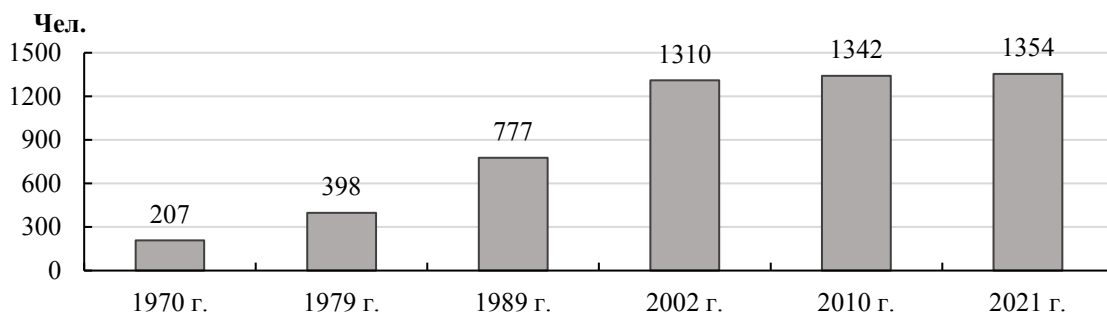

Рис. 1. Динамика численности армянской диаспоры в Республике Мордовия
Fig. 1. Dynamics of the number of the Armenian Diaspora in the Republic of Mordovia

Исторически сложилось так, что мигранты из соседних государств или переселенцы из других областей страны при расселении в Мордовии отдавали предпочтение крупным населенным пунктам, районным центрам вблизи транспортных центров и железнодорожных путей. В связи с этим армяне в настоящее время проживают преимущественно в столице Мордовии, Zubovo-Polyansk, Chamsinsk, Romodanovsk, Ruzaevsk, Ichalkovsk and Lyambirsk districts [14, с. 53].

Неравномерный характер расселения армян в регионе обусловлен тем, что одним из основных источников информации при выборе места жительства являются личные контакты. Они традиционно отправляются не только туда, где есть возможность трудоустроиться, но и где уже проживают родные, знакомые или друзья [15]. В этой связи причины личного, семейного и экономического характера являются доминирующими мотивами переезда армян в Мордовию. В частности, каждый третий респондент в 2023 г. указал на такие причины, как устройство на работу (31 %) и улучшение материального положения (28 %), каждый четвертый – на переезд к родным, изменение семейного положения (26 %), каждый пятый – на приглашение от уже проживающих в регионе (18 %) (рис. 2). Реже отмечалась альтернатива «получение профессионального образования» (15 % в 2017 г., 9 % в 2023 г.). Незначительная доля респондентов (6 %), отметивших альтернативу «этнические конфликты на месте прежнего проживания». Это может указывать на то, что большая часть опрошенных достаточно давно проживает вне пределов своей исторической родины и оказалась не задета современными межнациональными конфликтами стран СНГ.

Рис. 2. Причины переезда в Мордовию
Fig. 2. Reasons for moving to Mordovia

Семейно-родственные отношения. У армян традиционно достаточно высок уровень семейственности, что существенно облегчает социальную адаптацию членов диаспоры к новой этнокультурной среде региона, жизненным ориентациям местного населения. Характерные национальные черты армянского народа – приверженность крепкой семье, почитание старших, взаимопомощь и сохранение исторической памяти о родине, обуславливают для армянской диаспоры Мордовии высокую значимость поддержания тесных семейно-родственных связей. Результаты исследования показывают, что примерно две трети армян республики (68 %) состоят в зарегистрированном браке, почти каждый второй (50 %) имеет на иждивении несовершеннолетних детей. Абсолютное большинство респондентов находятся в тесном общении с родными и знакомыми, проживающими в Армении (в 2017 г. – 95 %, в 2023 г. – 81 %).

Крепость семейно-родственных уз в армянской диаспоре Мордовии подчеркивалась и в рамках историко-этнографических исследований, проведенных в начале 2000-х гг. В частности, указывалось, что носителями традиционных черт брачно-семейной культуры выступали в первую очередь армянские мигранты/переселенцы – выходцы из сельских районов

Армении. Они практически не вступали в «гражданские» браки, существенно реже разводились, поддерживали тесные отношения с родственниками [12, с. 80].

Специфика брачно-семейного поведения армян (семейные практики, экзогамные запреты, брачность, разводимость и др.), выступающая в качестве механизма поддержания этнических границ, определяет характер этноцентрических установок представителей армянской диаспоры. Брачный союз для армян зачастую воспринимается как важная жизненная ценность, в связи с чем к выбору супруга (супруги) требуется подходить с особой ответственностью. Несмотря на то, что брак с представителем другой национальности в 2023 г. в целом положительно воспринимали примерно три четверти (70 %) опрошенных армян, каждый третий (30 %) одобрит его, «если будут сохранены обычаи моего народа».

В 2017 г. результаты были еще более выразительны: среди состоящих в браке армян почти три четверти (76 %) имели супруга или супругу своей национальности. Следовательно, для определенной части армян республики (от 15 до 30 %) ценность межэтнического брака находится под большим вопросом.

Использование русского и родного (национального) языка. Оценивая повседневную коммуникацию диаспоры с местным сообществом, важно отметить отсутствие языкового барьера. Армяне Мордовии активно используют русский язык: на нем или в основном на нем большинство общается на работе/учебе (83 %), более половины – с соседями, друзьями и родственниками (60 %). Зоной бытования армянского языка выступает в первую очередь семья, где на родном языке или в основном на нем разговаривают более четверти респондентов (27 %), около половины используют его наравне с русским языком (48 %).

Можно сказать, что армяне Мордовии находятся в ситуации активного билингвизма, когда два языка (русский и армянский) являются частью важного компонента языкового общения в полилингвальном и поликультурном пространствах. При этом объем функций языков неодинаков: родной (национальный) бытует преимущественно в семье и близком окружении, язык-посредник (русский) – в общественном и публичном пространстве (работа, учеба, улица).

Занятость и трудовые практики. В 2017–2023 гг. работали более половины армян Мордовии (61 и 59 % соответственно), из которых большая часть являлись работниками по найму, меньшая – предпринимателями. Следует заметить, что доля армян, занимающихся в регионе предпринимательской деятельностью (13 % в 2023 г.), существенно превышает долю предпринимателей среди населения Мордовии (3 %) и России (4 %). Последнее свидетельствует о достаточно высоком уровне включенности диаспоры в экономические процессы республики и, соответственно, о высокой степени адаптации к социально-экономическим реалиям принимающего общества.

Армяне Мордовии в экономическом пространстве региона в 2023 г. заняты в основном в сферах торговли и общественного питания (30 %) и строительства (25 %). Примерно каждый десятый трудится в сферах сельского хозяйства (8 %), транспорта и связи (8 %). Характерно, что подобный исторически сложившийся выбор сфер занятости отмечался и в историко-этнографическом сообществе республики: «Еще в конце 80-х гг. XX в. армянские строительные бригады работали почти в каждом районе Мордовии» [12, с. 23]. В этой связи приведем слова Л. Г. Сарксяна, председателя Мордовского регионального отделения Общероссийской

общественной организации «Союз армян России»: «... значительная часть [земляков] смогла устроиться по специальности. Имели место лишь незначительные нюансы в трудоустройстве. Большинство заняты в строительной отрасли...» [16].

Материальное положение. Анализ данных исследования показал, что в материальном положении армян в 2023 г. преобладают позитивные оценки. В зоне субъективного благополучия находятся большинство респондентов (85 %), для которых неактуальна проблема приобретения товаров и услуг первоочередного спроса (продукты питания, одежда и услуги ЖКХ). Только примерно каждого десятого опрошенного (8 %) в соответствии с субъективной самооценкой своего материального положения можно отнести к зоне социального неблагополучия, где на повестке стоит вопрос удовлетворения базовой потребности в пище.

В динамике 2017–2023 гг. отмечается рост материального благополучия с 76 до 85 %. Причем существенно выросла доля армян с относительно высоким уровнем благосостояния, которые либо вообще ни в чем себе не отказывают, либо не испытывают проблем с покупкой товаров длительного пользования.

Социальная идентичность. Армяне Мордовии обладают так называемой многоуровневой идентичностью, сложившейся иерархией взаимодополняемых и совместимых идентичностей [17, с. 164]. В армянской диаспоре доминирует российская идентичность, уровень которой на протяжении пяти лет демонстрирует существенную позитивную динамику (рис. 3). Если в 2017 г. жителями России себя ощущали 46 % армян, то в 2023 г. – 65 %. Рост показателя российской идентичности, де-факто воспринимаемой как гражданско-государственная идентичность, в реалиях последних лет стал следствием значительной консолидации российского общества. Региональная идентичность в 2017–2023 гг. стала менее выраженной: в два раза снизилась доля тех, кто считает себя жителем Мордовии (с 36 до 18 %). Практически неизменной остается доля респондентов, заявляющих о своей национальной идентичности (16 % – в 2017 г., 15 % – в 2023 г.).

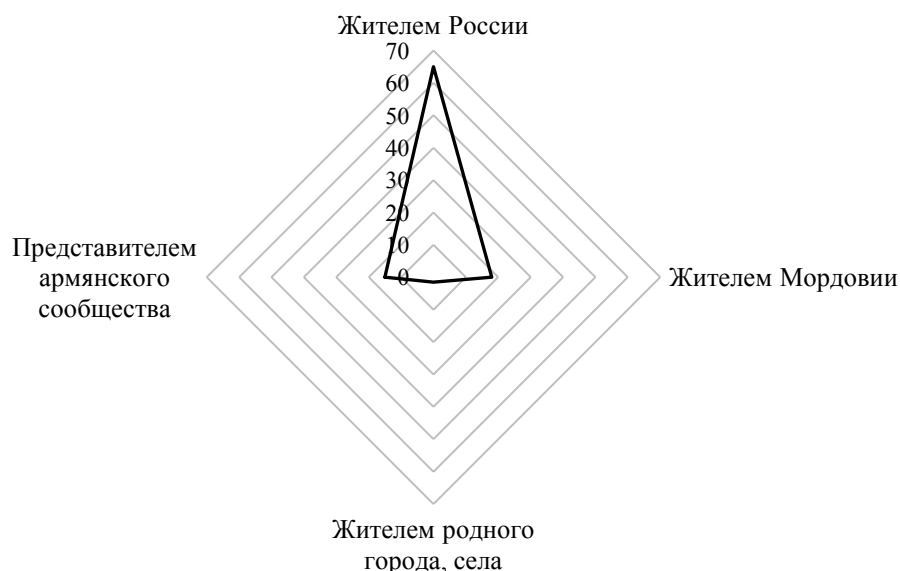

Рис. 3. Иерархия идентичностей армянской диаспоры Мордовии (ответы на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?»), %
Fig. 3. Hierarchy of identities of the Armenian Diaspora of Mordovia (answers to the question: “Who do you feel first of all?”), %

Эмиграционные установки. Доля представителей диаспоры, готовых покинуть регион пребывания, соответствующим образом характеризует миграционную привлекательность местного общества. В ходе исследований 2017–2023 гг. абсолютное большинство армян Мордовии заявляли об отсутствии желания покинуть республику (в 2017 г. – 83 %, в 2023 г. – 92 %), тем самым указав на благоприятные социальные условия в регионе для проживания, удовлетворения личных целей и развития бизнеса. Лишь незначительная часть опрошенных (1 %) планируют в будущем сменить место пребывания, указывая при этом на многочисленные примеры отъезда знакомых.

Конфессиональность. Опрос среди армян Мордовии показал, что армянская диаспора в целом состоит из сообщества верующих людей (97 % в 2017 г., 99 % в 2023 г.). При высоком уровне декларируемой религиозности армяне демонстрируют одновременно и достаточно высокую степень воцерковленности (в 2023 г. 36 % – «верующий, соблюдаю все требования религии»). При этом для населения Мордовии и России в целом ситуация выглядит иначе: при относительно высокой религиозности населения фиксируется его низкая воцерковленность [18, с. 26].

Основная часть опрошенных (74 %) причисляют себя к Армянской апостольской церкви, с Русской Православной церковью соотносит себя лишь каждый четвертый респондент (25 %). Учитывая тот факт, что большинство верующих Мордовии принадлежит к Русской Православной церкви, схожесть традиционных ценностей обеих конфессий в большей степени положительно отражается на межконфессиональных взаимоотношениях внутри республики.

В то же время для абсолютного большинства (90 %) армян республики вероисповедание не является определяющим признаком в повседневных межличностных взаимоотношениях. Только 10 % респондентов заявили о том, что религиозный фактор важен в общении. Последнее позволяет связать их взгляды на межконфессиональную коммуникацию не с возрастными или территориальными особенностями, а, скорее, с мировоззренческими, берущими свое начало в трагических событиях истории армянского народа (геноцид армян, армяно-азербайджанский конфликт, спитакское землетрясение и т. д.). В частности, весьма типично бытующее среди армян представление о себе как о народе с древнейшей и богатейшей историей и культурой, веками жившем во враждебном окружении и сумевшем сохранить себя как этническую общность благодаря языку, вере и особому «культурологическому иммунитету» [19, с. 199].

Социально-политические настроения. Сравнивая результаты общереспубликанских исследований электоральной и социально-политической тематики, заметим, что представители армянской диаспоры показывают более высокий уровень удовлетворенности как местной, так и федеральной властью. В определенной степени можно говорить о демонстрации максимально возможной лояльности к официальным структурам в принимающем обществе.

Отношение к власти и лицам, ее олицетворяющим, выступает маркером лояльности представителей диаспоры и одновременно является показателем общественно-политической напряженности. Результаты исследований 2017–2023 гг. показывают, что абсолютное большинство армян в той или иной степени удовлетворено деятельностью Президента России и главы Республики Мордовия. Так, в 2023 г. уровень удовлетворенности составлял 90 и 89 % соответственно, в 2017 г. – 90 и 85 %.

Готовность принять участие в политических или социально-экономических акциях протеста является одним из значимых индикаторов общественно-политической напряженности, давая возможность оценить как личный, так и в определенной степени конфликтный потенциал диаспоры. По результатам исследования 2023 г., примерно три четверти армян Мордовии (72 %) в той или иной степени исключали для себя возможность участия в каких-либо акциях протеста. В то же время 7 % респондентов готовы выйти на протестные акции.

Социальное самочувствие представителей армянской диаспоры в той или иной степени определяется и спецификой беспокоящих их проблем. В 2023 г. армяне отмечали проблемы экономического характера, прямо или косвенно влияющие на их материальное положение: рост цен (63 %), низкая оплата труда (49 %), низкие пенсии (28 %), безработица (27 %) и плохое состояние ЖКХ (24 %). Примерно каждого пятого (22 %) в 2023 г. беспокоила политическая ситуация в стране, о чем респонденты стали упоминать значительно чаще.

Для армянской диаспоры региона остаются значимыми проблемы, связанные с сохранением национальной самобытности и оказанием взаимной социальной поддержки внутри общины. Наиболее эмоционально окрашенным остается вопрос установки хачкара – памятного камня-креста, о чем и в 2017, и в 2023 г. упоминали более половины респондентов. Примерно десятую часть армян беспокоит отсутствие в Мордовии армянской церкви и школы.

Вместе с тем позитивным для представителей армянской диаспоры являются личные ожидания от ближайшего будущего. Так, в 2023 г. отмечался довольно высокий уровень социального оптимизма: примерно три четверти (73 %) опрошенных указали, что сохраняют оптимизм, и ситуация во всех сферах жизни в скором времени изменится к лучшему. Условно негативные ожидания от ближайшего будущего свойственны около трети респондентов (28 %).

В заключение была построена модель социального самочувствия (рис. 4). При этом учитывались следующие показатели: социальный оптимизм (оценка личных ожиданий), миграционные установки (готовность выехать на постоянное место жительства), протестная активность (готовность принять участие в акциях протеста), лояльность к власти

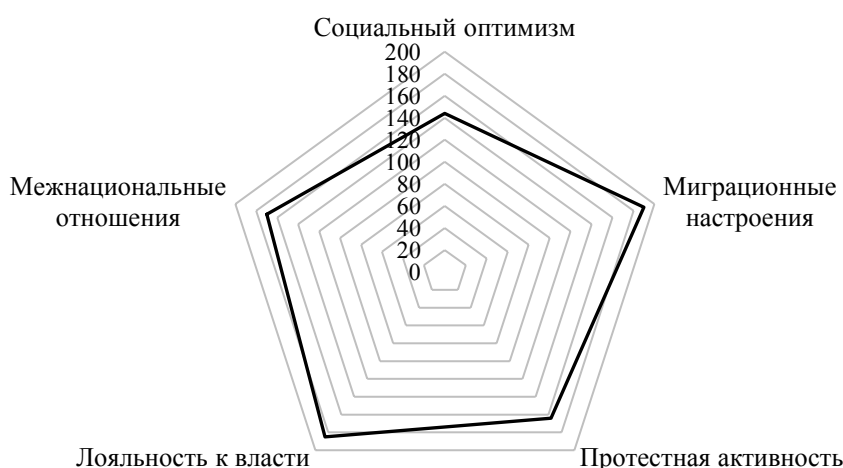

Рис. 4. Модель социального самочувствия армянской диаспоры Мордовии

Fig. 4. The model of social well-being of the Armenian diaspora of Mordovia

(удовлетворенность деятельностью Президента Российской Федерации) и межнациональные отношения. На основании полученных данных рассчитана разность между долей положительных и отрицательных ответов¹.

В зависимости от значения показателя можно выделить три модели социального самочувствия: позитивная (от 150 до 200 п.), умеренная (от 100 до 150 п.) и тревожная (от 0 до 100 п.). Если при графическом изображении модель приближена к форме неправильного многоугольника, то это может говорить об определенных проблемах внутри диаспоры.

Выстроенная модель визуально приближена к форме правильного многоугольника, что говорит о позитивном характере социального самочувствия диаспоры.

Заключение. Исследование подтвердило значительную часть сформулированных гипотез, в то же время актуализировав новые, не охваченные вниманием исследователей вопросы: растущий уровень бытовой напряженности в повседневном межэтническом взаимодействии, демонстрируемая политическая лояльность в условиях нарастания противоречий в отношениях между Россией и Арменией, экономическая ориентация на определенные рыночные ниши и др.

Социокультурный облик армянской диаспоры в Мордовии довольно статичен и отличается уже сформировавшимися чертами: численно сложившимся сообществом с отсутствием значительной динамики состава, высокой степенью «укорененности» в республике (большая часть армян проживает в регионе длительное время, имея здесь семьи и собственное жилье), отсутствием реэмиграционных настроений, массово декларируемой религиозностью при относительно высоком уровне воцерковленности, устоявшимися экономическими нишами занятости.

Социальное самочувствие армян в Мордовии в целом позитивное. В восприятии материального положения, взаимоотношений с местным обществом, соблюдения своих прав преобладают положительные оценки. Восприятие армянами межэтнических и межконфессиональных процессов в регионе отличается толерантностью.

Армянская диаспора Мордовии, с одной стороны, сохраняя свой неповторимый этнокультурный облик, а с другой, являясь неотъемлемой частью этноконфессионального пространства республики, в условиях глобализации и урбанизации выступает естественным объектом интеграционных процессов. Полиэтническая среда проживания, межнациональные взаимодействия оказывают влияние на традиционную культуру армян, «трансформируя повседневные практики жизнеобеспечения, традиционную обрядность, конфессиональные установки, гендерные стереотипы, сохраняя при этом – этничность, самоидентификацию и ключевые этнопсихологические особенности армянского этноса» [12, с. 184].

Интеграционные процессы, протекающие в армянской диаспоре, отличаются высокой степенью выраженности и позитивной динамикой, тем не менее не предполагая полной ассимиляции [20, с. 58]. Интеграция протекает с разной степенью интенсивности в конкретных сферах повседневной жизни: экономической, социальной, культурной и политической. В одних сферах (например, трудовая занятость) демонстрируется активная включенность в общую полиэтноконфессиональную среду, в других сферах, напротив, участие ограничено.

¹ Для того чтобы избежать появления отрицательных значений, к разнице прибавлялось 100. В соответствии с этим значение показателя может колебаться от 0 до + 200.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фирсов Е. Ю. Исследуя гетерогенную диаспору (на примере армян-переселенцев в российскую провинцию) // Вестн. Евразии. 2008. № 3. С. 123–141.
2. Андреев А. Л. В жанре социологического портрета // Вестн. РАН. 2017. Т. 87, № 8. С. 898–904. DOI: 10.7868/S0869587317100048.
3. Лубский А. В., Сериков А. В., Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. рецензия // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 212–217.
4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, Е. А. Когай и др.; сост. и общ. ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
5. Русскоязычные в Центральной Азии. Социальный портрет / К. Ф. Затулин, А. В. Докучаева, В. Г. Егоров и др. М.: Ин-т стран СНГ, 2010.
6. Симонян Р. Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 2. С. 144–157. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.
7. Феномен диаспоры: анализ современного состояния через призму исследований в данной области / Г. И. Осадчая, Г. А. Погосян, И. В. Лескова и др. // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (дата обращения: 05.08.2023). DOI: 10.15862/23SCSK221.
8. Арутюнян Ю. В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7 (351). С. 34–44.
9. Жанкова Л. А., Колесник М. А. Этническая идентичность армян в Красноярском крае: какие практики существуют в армянской национально-культурной автономии для сохранения этнической идентичности? // Социальная антропология Сибири. 2020. Т. 1, № 4. С. 58–65. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-58-65.
10. Кудрявцева И. К. Армяне в Удмуртии: практики сохранения этнической идентичности в многонациональном регионе // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2023. Т. 13, № 1. С. 68–76. DOI: 10.15350/26191490.2023.1.9.
11. Оганнисян А. А. Социальная интеграция армянской диаспоры в Алтайском крае // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2020. № 12. С. 145–149.
12. Никонова Л. И., Шевцова А. А. Традиционная культура армян в поликультурном пространстве Республики Мордовия / под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук Респуб. Мордовия, 2011.
13. Дятлов В. И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры. 2004. № 3. С. 126–139.
14. Шевцова А. А. Семейные традиции армян в Республике Мордовия // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 51–63.
15. Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова и др.; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск: НИИ гуманитар. наук Респуб. Мордовия, 2012.
16. Армяне Мордовии адаптируются легко // Еркамас. 16.09.2011. URL: <https://yerkramas.org/ru/article/20772/armyane-v-mordovii-adaptiruyutsya-legko> (дата обращения: 07.08.2023).
17. Жаде З. А., Гвашева Б. З., Шадже Л. А. Многоуровневая идентичность в оценках научного сообщества Адыгеи // Вестн. Калмыц. ун-та. 2022. № 4 (56). С. 157–165. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165.
18. Козин В. В., Фадеева И. М. Религиозная ситуация в Республике Мордовия. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарёва, 2022.
19. Шевцова А. А., Никонова Л. И. Этноконфессиональная и региональная самоидентификация армян Мордовии // Регионоведение. 2012. № 1 (78). С. 196–202.
20. Погосян Г. А., Осадчая Г. И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриации // Социол. исслед. 2023. № 1. С. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250015318-2.

Информация об авторах.

Баринова Ольга Николаевна – старший научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология коммуникаций, цифровое общество, информационная открытость органов власти.

Кузина Ольга Николаевна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, социология информационного общества.

Манасева Ирина Владимировна – научный сотрудник Научного центра социально-экономического мониторинга, ул. Б. Хмельницкого, д. 39А, г. Саранск, 430005, Россия. Автор 24 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальные факторы коррупционного поведения, информационная открытость органов власти.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 25.10.2023; принята после рецензирования 22.11.2023; опубликована онлайн 21.02.2024.

REFERENCES

1. Firsov, E.Yu. (2008), "Exploring the heterogeneous diaspora (using the example of Armenian migrants to the Russian province)", *Acta Eurasica*, no. 3, pp. 123–141.
2. Andreev, A.L. (2017), "In the genre of sociological portrait", *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 87, no. 8, pp. 898–904. DOI: 10.7868/S0869587317100048.
3. Lubsky, A.V., Serikov, A.V. and Gorchkov, M.K. (2012), "Russian society as it is (experience of sociological diagnostics), *Novy Chronograph*, Moscow, RUS, 2011: review", *Humanities of the South of Russia*, no. 1, pp. 212–217.
4. Lapin, N.I., Belyaeva, L.A., Kogai, E.A. et al. (2009), *Regiony v Rossii: sotsiokul'turnye portrety regionov v obshcherossiiskom kontekste* [Regions in Russia: sociocultural portraits of regions in the All-Russian context], in Lapin, N.I. and Belyaeva, E.A. (eds.), Academia, Moscow, RUS.
5. Zatulin, K.F., Dokuchaeva, A.V., Egorov, V.G. et al. (2010), *Russkoyazychnye v Tsentral'noi Azii. Sotsial'nyi portret* [Russian speakers in Central Asia. Social portraits], Institute of CIS Countries, Moscow, RUS.
6. Simonyan, R.H. (2022), "Russian-speaking diaspora in the Baltic States: a socio-cultural aspect", *Baltic Region*, vol. 14, no. 2, pp. 144–157. DOI: 10.5922/2079-8555-2022-2-9.
7. Osadchaya, G.I., Pogosyan, G.A., Leskova, I.V. et al. (2021), "Diaspora phenomenon: analysis of the current state through the prism of research in this area", *World of Science. Ser. Sociology, Philology, Cultural Studies*, vol. 12, no. 2, available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK221.pdf> (accessed 05.08.2023). DOI: 10.15862/23SCSK221.
8. Arutiunian, Yu.V. (2013), "On ethnic diasporas in the Russian environment", *Sociological Studies*, no. 7 (351), pp. 34–44.
9. Zhankova, L.A. and Kolesnik, M.A. (2020), "Ethnic identity of Armenians in the Krasnoyarsk territory: what practices exist in the Armenian national-cultural autonomy to preserve ethnic identity?", *Social Anthropology of Siberia*, vol. 1, no. 4, pp. 58–65. DOI: 10.31804/2687-0606-2020-1-4-58-65.
10. Kudryavtseva, I.K. (2023), "Armenians in Udmurtia: practices of preserving ethnic identity in a multinational region", *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya*, vol. 13, no. 1, pp. 68–76. DOI: 10.15350/26191490.2023.1.9.
11. Ogannisyan, A.A. (2020), "Social integration of the Armenian diaspora in the Altai Territory", *Sociology in the modern world: science, education, creativity*, no. 12, pp. 145–149.
12. Nikonova, L.I. and Shevtsova, A.A. (2011), *Traditsionnaya kul'tura armyan v polikul'turnom prostranstve Respubliki Mordoviya* [Traditional culture of Armenians in the multicultural space of the

Republic of Mordovia], in Yurchenkov, V.A. and Nikonova, L.I. (eds.), Saransk, NII gumanitar. nauk Respubliki Mordoviya, RUS.

13. Dyatlov, V.I. (2004), "Diaspora: the expansion of the term into the public practice of modern Russia", *Diaspory*, no. 3, pp. 126–139.

14. Shevtsova, A.A. (2011), "Family traditions of the Armenian migrants in the Republic of Mordovia", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 140, pp. 51–63.

15. Nikonova, L.I. et al. (2012), *Narody Mordovii: istoriko-ethnograficheskoe issledovanie* [The peoples of Mordovia: a historical and ethnographic study], in Yurchenkov, V.A. and Nikonova, L.I. (eds.), Saransk, NII gumanitar. nauk Respubliki Mordoviya, RUS.

16. "Armenians of Mordovia adapt easily", *Yerkramas*, 16.09.2011, available at: <https://yerkramas.org/ru/article/20772/armyane-v-mordovii-adaptiruyutsya-legko> (accessed 07.08.2023).

17. Zhade, Z.A., Gvasheva, B.Z. and Shadzhe, L.A. (2022), "Multilevel identity in the assessments of the scientific community of Adygea", *Bulletin of the Kalmyk Univ.*, no. 4 (56), pp. 157–165. DOI: 10.53315/1995-0713-2022-56-4-157-165.

18. Kozin, V.V. and Fadeeva, I.M. (2022), *Religioznaya situatsiya v Respublike Mordoviya* [Religious situation in the Republic of Mordovia], MGU im. N. P. Ogareva, Saransk, RUS.

19. Shevcova, A.A. and Nikonova, L.I. (2012), "Ethno-confessional and regional Armenian self-identification of Mordovia", *Russian J. of Regional Studies*, no. 1 (78), pp. 196–202.

20. Poghosyan, G.A. and Osadchaya, G.I. (2023), "Armenian Diaspora of Russia: Integration vs Repatriation", *Sociological Studies*, no. 1, pp. 52–61. DOI: 10.31857/S013216250015318-2.

Information about the authors.

Olga N. Barinova – Senior Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 32 scientific publications. Area of expertise: sociology of communications, digital society, information openness of government bodies.

Olga N. Kuzina – Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, sociology of information society.

Irina V. Manaeva – Research Officer, Scientific Center of Social-Economic Monitoring State Institution, 39A B. Khmel'nitskogo str., Saransk 430005, Russia. The author of 24 scientific publications. Area of expertise: social factors of corrupt behavior, information openness of government bodies.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 25.10.2023; adopted after review 22.11.2023; published online 21.02.2024.